

Е. А. Бреверн

**Об отмене личного
задержания за долги**

**По иностранным
законодательствам 1867, 1868 и
1869 годов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Б87

Б87 **Бреверн Е.А.**
Об отмене личного задержания за долги: По иностранным законодательствам
1867, 1868 и 1869 годов / Е. А. Бреверн – М.: Книга по Требованию, 2013. –
164 с.

ISBN 978-5-518-06059-3

ISBN 978-5-518-06059-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

негъ, въ опредѣленіи суммы долга, ниже коей должникъ не отвѣтствуетъ болѣе своимъ лицомъ, въ уменьшеніи сроковъ заключенія смотря по количеству долга и, наконецъ, въ постановленіи облегченій для лицъ женскаго пола и лицъ престарѣлыхъ.

Если, за тѣмъ, начиная съ 1867 года, тюремное заключеніе должниковъ было почти вездѣ отмѣнено законодательствомъ, то къ этому преимущественно, если не исключительно, способствовалъ Императоръ Наполеонъ III, личнымъ вліяніемъ своимъ достигнувшій принятія этой отмѣны законодательною палатою и сенатомъ, не смотря на противныя тому убѣжденія большей части членовъ обоихъ законодательныхъ собраній, всего почти торговаго во Франціи сословія и большинства практическихъ юристовъ. Примѣръ, поданный Франціею, и на этотъ разъ сильно подѣйствовалъ на умы, и прежнія, до того времени непоколебимыя, начала исполнительнаго производства подверглись съ тѣхъ поръ всюду отрипанію, по естественному, но не всегда достаточно безпристрастному, влеченію общественнаго мнѣнія. Отмѣна личной отвѣтственности должниковъ сдѣлалась вскорѣ такимъ же современнымъ вопросомъ, какимъ недавно еще было строгое исполненіе этой отвѣтственности. Въ Германіи значительно содѣйствовало тому, по крайней мѣрѣ въ сѣверной ея части, то обстоятельство, что довольно сильная тамъ партія консерваторовъ согласилась на отмѣну законныхъ ограниченій въ размѣрѣ процентовъ только подъ условіемъ обезоруженія ростовщиковъ отмѣною тюремнаго за долги заключенія. Этимъ и объясняется, почему законодательный вопросъ такой важности былъ разрѣшенъ въ странѣ, даже слишкомъ осторожной при измѣненіяхъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, съ необычайною поспѣшностію и нерѣдко

вслѣдствіе довольно поверхностныхъ преній въ разныхъ мѣстныхъ сеймовыхъ собраніяхъ. Ничто столько не вредитъ обдуманности и зрѣлости законодательныхъ работъ по такъ называемымъ современнымъ вопросамъ, какъ пристрастныя воззрѣнія политическихъ партій и одностороннія предубѣжденія теоретиковъ.

Вопросъ о тюремномъ заключеніи должниковъ, по многосложности своей, требуетъ болѣе внимательнаго и подробнаго изученія, чѣмъ это представляется, повидимому, съ точки зрѣнія необходимаго уваженія къ личной свободѣ гражданъ и естественнаго состраданія къ несчастному положенію должника и его семейства. Еслибъ подобныя соображенія всецѣло обнимали этотъ предметъ и были достаточны для рѣшенія вопроса, то, по всей вѣроятности, никто бы и не сомнѣвался въ необходимости немедленнаго исключенія правилъ о личномъ за долги задержаніи изъ законодательства всѣхъ христіанскихъ народовъ. Всякій, кто дастъ себѣ трудъ выикнуть въ самую сущность отношеній между должникомъ и займодавцемъ, конечно, не можетъ не убѣдиться, что правила о тюремномъ заключеніи должниковъ дѣйствительно не могутъ быть оставлены безъ радикальнаго измѣненія основныхъ ихъ началъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдится и въ томъ, что едвали удобно слишкомъ спѣшное рѣшеніе сего вопроса окончательною отмѣною всѣхъ видовъ личнаго за долги задержанія, и что прежде всего необходимо усиленіе прочихъ средствъ къ успѣшному взысканію долговъ. Если должники заслуживаютъ нѣкоторой снисходительности къ несчастному ихъ положенію, то и займодавцы имѣютъ несомнѣнное право на защиту правительства противъ неисправныхъ должниковъ, не говоря уже о томъ, что строгое исполненіе долговыхъ обязательствъ принадлежитъ къ числу основныхъ требованій

не только общественнаго кредита, но и общественной нравственности.

Тюремное заключеніе должниковъ имѣло въ разныхъ законодательствахъ весьма различныя цѣли, хотя въ самыхъ законахъ о сѣмъ не упоминалось и различныя виды личнаго за долги задержанія не были обозначены съ достаточною точностію. Должникъ подвергался аресту для того, чтобъ онъ не могъ оставить мѣста, гдѣ заимодавецъ засталъ его и началъ искъ. Должника арестовали, чтобъ онъ не скрылся, не исполнивъ постановленнаго уже противъ него рѣшенія или не выждавъ объявленія несостоятельности. Должнику неисправному по легкомыслію, по беззаботности или даже по безчестнымъ побужденіямъ, заимодавцы грозили тюремнымъ заключеніемъ, чтобы заставить его уплатить долги отъ страха лишиться свободы, или чтобы друзья его и близкіе рѣшились удовлетворить кредиторовъ. Должникъ былъ заключаемъ въ тюрьму вслѣдствіе сомнѣнія заимодавца въ его честности, чтобы продолжительнымъ задержаніемъ заставить его указать скрытое имъ имущество. Наконецъ, должника содержали въ тюрьмѣ, чтобъ удовлетворить заимодавца, хотя не деньгами, но лишеніемъ должника свободы, вслѣдствіе чего срокъ заключенія опредѣлялся смотря по суммѣ долга, который по истеченіи таковаго срока и почитался уплаченнымъ. Разумѣется, что во всѣхъ сихъ случаяхъ дѣйствительное исполненіе личнаго задержанія должника не могло не зависѣть отъ усмотрѣнія кредитора. Единственное почти различіе въ европейскихъ, по сему предмету, законодательствахъ состояло въ томъ, что по нѣкоторымъ изъ нихъ (напримѣръ французскому, виртембергскому и др.) личное задержаніе за долги примѣнялось только къ должникамъ

торговаго званія, къ вексельнымъ должникамъ и къ иностранцамъ, а по другимъ (напримѣръ прусскому, австрійскому, нашему и проч.) оно имѣло мѣсто какъ по долгамъ коммерческимъ, такъ и по долгамъ гражданскимъ, съ нѣкоторыми изъятіями по состоянію должника или же и безъ изъятій.

Едва ли можно сомнѣваться какъ въ нравственной, такъ и въ требуемой закономъ обязанности должника уплатить займодавцу въ установленный срокъ. Неисполнившій этой обязанности лишаетъ кредитора части его имущества, въ такое, можетъ быть, время, когда неполученіе въ срокъ денегъ послужитъ къ потрясенію его кредита, къ посрамленію его чести и къ гибели его и его семейства. Въ случаѣ такихъ послѣдствій, для займодавца все равно, былъ ли должникъ поставленъ въ невозможность уплатить безъ собственной вины, стеченіемъ непредвидимыхъ обстоятельствъ и несчастій, или заключилъ долгъ легкомысленно, или безъ убѣжденія въ возможности возврата денегъ, или же, наконецъ, съ обдуманномъ намѣреніемъ не платить. Еслибъ неполученіе денегъ въ срокъ и не имѣло для займодавца пагубныхъ послѣдствій, оно, однако, лишило бы его непремѣнно части имущества, и потеря извѣстной суммы вслѣдствіе неисправности должника чувствительна для кредитора не менѣе потери такой же суммы вслѣдствіе похищенія. Государство и общество, конечно, не могутъ смотрѣть съ такой односторонней точки зрѣнія на дѣйствіе неисправнаго должника, а должны оцѣнивать оное на иномъ основаніи. Но ни государство, ни общество не должны упускать при семъ изъ виду, что такой должникъ во всякомъ случаѣ оказывается виновнымъ и въ отношеніи къ нимъ, нарушая неплатежемъ долга какъ устанавливаемую закономъ,

такъ и нравственную свою обязанность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и основу общественнаго кредита. Никто, разумѣется, не будетъ на этомъ основаніи требовать уголовнаго преслѣдованія всѣхъ, вообще, неисправныхъ должниковъ; тѣмъ не менѣе, однако, едвали возможно отрицать, что, за отсутствіемъ положительныхъ по сему предмету правилъ, нерѣдко остаются безъ преслѣдованія такіа нарушенія долговыхъ обязательствъ, безнаказанность которыхъ отзывается на общественной нравственности гораздо вреднѣе, чѣмъ многія иного рода нарушенія, предусмотрѣнныя въ законахъ и подлежащія, на основаніи оныхъ, взысканіямъ и наказаніямъ. Причиною такого явленія должно, кажется, почитать встрѣчающееся въ законодательствѣ прежнихъ временъ смѣшеніе понятій, вслѣдствіе котораго въ неисправности должника видѣли исключительно только вопросъ частный, и потому предоставляли несостоятельнаго безусловно на произволъ заимодавца, совершенно забывая о томъ, что съ одной стороны, въ извѣстныхъ случаяхъ, государство и общество также страдаютъ отъ неисправности должника, и что съ другой, нельзя предоставить частному лицу наказывать другое за причиненный ему вредъ лишеніемъ свободы. Отдача денегъ въ ссуду зависитъ безъ всякаго сомнѣнія отъ собственной воли заимодавца и ему слѣдуетъ быть осторожнымъ и осмотрительнымъ при заключеніи ссуды. Но не слѣдуетъ ли сказать тоже самое и относительно лица, отдавашаго кому либо движимое имущество, между прочимъ и деньги, на сохраненіе? Значительно ли различіе между дѣйствіемъ того, кто обязался возвратить и не возвратилъ занятыхъ имъ денегъ, и дѣйствіемъ того, кто не возвратилъ денегъ, ввѣренныхъ ему на сохраненіе или для опредѣленнаго употребленія, или истратилъ имѣющіяся у него на рукахъ

чужія деньги, или тайно взятыя у хозяина суммы на собственные нужды въ намѣреніи возмѣстить ихъ, но не успѣль этого сдѣлать? Во всѣхъ этихъ случаяхъ было довѣріе съ одной и нарушение онаго съ другой стороны. Не отрицая важности юридическаго между сими дѣйствіями различія, нельзя, однако, не думать, что оно болѣе или менѣе исчезаетъ при оцѣнкѣ собственно нравственною ихъ стороны, и что, сверхъ сего, существованіе или несуществованіе отдачи денегъ на сохраненіе не имѣетъ никакого государственнаго или общественнаго интереса, мѣжду тѣмъ какъ съ теченіемъ времени увеличивается государственное и общественное значеніе кредита, который именно основывается на законахъ, обеспечивающихъ строгое исполненіе должниками своихъ обязанностей. Нельзя также утверждать, по примѣру многихъ, что лучшимъ средствомъ противъ неисправности должниковъ было бы усиленіе осмотрительности и осторожности со стороны заимодавцевъ. Такой взглядъ можно оправдать только малымъ знакомствомъ съ настоящимъ развитіемъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ. Нельзя не убѣдиться, что при безпримѣрно усилившемся, въ настоящее время, всеобщемъ совмѣстничествѣ, пришлось бы отказаться отъ дѣлъ всякому, кто бы захотѣлъ каждый разъ предварительно справляться о честности и состоятельности людей, которые непосредственно, или чрезъ посредство другихъ, вступаютъ съ нимъ въ торговые и долговья отношенія или обращаются къ нему для покупокъ или заказовъ. Торговля и промышленность остались бы беззащитными, еслибъ не было законовъ, ограждающихъ кредитора противъ лично ему неизвѣстныхъ или недостаточно извѣстныхъ должниковъ. Конечно, можно указать на Сѣверную Америку, гдѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо стремятся къ дости-

женію прибылей на явный рискъ, а между тѣмъ законы о взысканіи долговъ и о торговой несостоятельности, какъ говорятъ, не очень строги, и гдѣ торговля и промышленность, не смотря на то, видимо процвѣтають. Но общественная нравственность имѣетъ такую, кажется, важность для правильнаго гражданскаго развитія, что въ пользу ея можно было бы согласиться даже на нѣкоторую, сравнительно, медленность въ прогрессѣ промышленномъ. Всѣ, въ теоріи, согласны въ томъ, что должникъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за занятія имъ деньги. Но не долженъ ли онъ, сверхъ того, отвѣчать и за нарушеніе заключеннаго, на законномъ основаніи, договора, по самому свойству коего одно гражданское, денежное, вознагражденіе за причиненные нарушеніемъ вредъ и убытки не достаточно,—если при семъ онъ дозволилъ себѣ дѣйствія или упущенія, несогласныя съ требованіями честности? Должникъ не всегда поставляется въ невозможность платить независящими отъ него обстоятельствами и потому не всегда находится въ положеніи такого лица, дѣйствія котораго, безъ всякой его вины, безъ всякаго съ его стороны намѣренія или упущенія, имѣютъ послѣдствіемъ нарушеніе законовъ, ограждающихъ безопасность и имущество гражданъ. Не говоря уже о тѣхъ слишкомъ частыхъ случаяхъ, въ которыхъ долги заключаются съ принятымъ заранѣе намѣреніемъ не платить, не слѣдовало бы, кажется, забывать, что всякій заемъ, безъ полной увѣренности въ возможности возвратить деньги въ срокъ, нарушаетъ честь должника, составляетъ дѣйствіе болѣе или менѣе злонамѣренное. Торговля живетъ спекуляціею, рискомъ; по спекулировать, рисковать должно на собственный только страхъ, а не на счетъ не предувѣдомленныхъ о томъ займодавцевъ. Азартными играми можно

нажить себѣ значительное состояніе, но во всякомъ случаѣ не должно употреблять при семъ заимствованныя у другихъ деньги. Не подходитъ ли подъ понятіе мошенничества дѣйствіе того, кто подъ разными предлогами, или подъ однимъ только обѣщаніемъ непремѣннаго возвращенія въ срокъ, убѣдить кого либо дать ему деньги въ ссуду или продать ему товаръ въ кредитъ, предвидя между тѣмъ, что онъ не будетъ, можетъ быть, въ состояніи заплатить въ срокъ? Конечно, кредиторъ не долженъ былъ такому лицу вѣрить; но развѣ обманутый мошенникомъ не сдѣлался жертвою точно также отъ того, что вѣрилъ человѣку, которому довѣрять не слѣдовало? Развѣ даже и самое легкомысленное довѣріе кредитора можетъ послужить законнымъ оправданіемъ явнаго, но въ законахъ не предусмотрѣннаго, обмана?

Нисколько не сомнѣваясь въ совершенной честности бѣльшей части должниковъ, нельзя, однако, не повторить, что далеко не всѣ должники исключительно люди честные, далеко не всѣ кредиторы непремѣнно ростовщики. Не должно къ тому же забывать, что, при изобиліи нынѣ процентныхъ бумагъ на предъявителя, всякому весьма легко утаить въ-время свои капиталы отъ долговаго взысканія, а при современномъ состояніи путей сообщенія всякому также нетрудно оставить, безъ вѣдома кредитора, свое мѣстопробываніе *до* или *послѣ* начатія исполнительнаго производства. Надобно при этомъ имѣть въ виду, что правила о взысканіи долговъ состоялись вездѣ въ то еще время, когда личная свобода должника была едва ли не главнымъ, и во всякомъ случаѣ самымъ вѣрнымъ, обезпеченіемъ въ исправности должника. Нельзя, посему, не думать, что, при отбѣгѣ этого обезпеченія или значительномъ его ослабленіи, необходимая для

общественнаго кредита защита кредиторовъ непремѣнно потребуетъ установленія такихъ правилъ исполнительнаго производства, которыя могли бы успѣшно противодѣйствовать указаннымъ выше сего не вполнѣ добросовѣстнымъ нарушеніямъ долговыхъ обязательствъ. Безчестныя дѣйствія должниковъ, при существующемъ законодательствѣ, не подвергнуть виновнаго уголовному преслѣдованію, исключая того случая, когда должникъ объявленъ впадшимъ въ несостоятельность; но извѣстно, что лица неторговаго званія не такъ легко объявляются несостоятельными и что, по многимъ законодательствамъ, торговая несостоятельность не объявляется по требованію только одного кредитора или по долгамъ не довольно значительнымъ. Дѣйствіе должника, однако, не менѣе предосудительно, когда онъ не принадлежитъ къ торговому званію, а если принадлежитъ, когда обманулъ одного лишь кредитора или хотя и нѣсколькихъ, но на сумму въ общей сложности не весьма значительную. Указываютъ на общественное мнѣніе, будто бы достаточное для наказанія нечестныхъ должниковъ. Но не говорятъ ли противъ того ежедневный опытъ и именно у самыхъ промышленныхъ народовъ? Было, дѣйствительно, время, когда одно уже объявленіе несостоятельности почиталось посрамленіемъ не только должника, но и семейства его. Напротивъ, нылѣ есть страны, гдѣ объявленіе несостоятельности лишилось почти вовсе этого свойства и должникъ, по окончаніи производства, немедленно предпринимаетъ вновь дѣла, хотя, быть можетъ, въ другомъ мѣстѣ, ничего не теряя или теряя весьма немного въ глазахъ того слоя общества, мнѣніе котораго имѣетъ вліяніе на успѣшность новыхъ его предпріятій. Примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, а въ послѣднее время и Англій, сильно подѣйствовалъ въ этомъ направленіи на

весь торговый и промышленный міръ (*), не говоря уже о страшно возрастающем числѣ людей, которые живутъ только плутовствомъ. Напрасно, по этому, полагаться исключительно на строгость сужденій общественнаго мнѣнія для огражденія кредиторовъ противъ нечестивыхъ поступковъ должниковъ; напротивъ, надобно сообразить, достаточно-ли дѣйствующіе законы для огражденія общественной нравственности и общественнаго кредита,—вопросъ, который, разумѣется, не могъ никого озабочивать, пока дозволялось заключать въ тюрьму даже и должника вполне честнаго.

Изложенныя выше сего соображенія доказываютъ, кажется, что вопросъ объ отпѣнѣ личнаго за долги задержанія довольно сложенъ и требуетъ подробнаго и всесторонняго обсужденія, а не краснорѣчивыхъ возгласовъ на счетъ цѣны личной свободы должниковъ, въ важности которой никто и не сомнѣвается. Небезполезно будетъ, какъ я думаю, познакомиться съ главнѣйшими изъ доводовъ, заявленныхъ *за* и *противъ* при преніяхъ о тюремномъ заключеніи должниковъ въ законодательныхъ собраніяхъ Западной Европы. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія въ особенности, хотя не исключительно, пренія законодательныхъ палатъ Франціи. Въ нихъ подлежащій вопросъ былъ рѣшенъ, хотя, какъ выше сего упомянуто, по личному вліянію Императора и при содѣйствіи безусловныхъ сторонниковъ тогдашняго министерства, однако по весьма основательному и подробному изученіи и обсужденіи предмета. Особую важность имѣютъ, кажется, и самые законы, изданные въ разныхъ странахъ въ отпѣну личнаго задержанія должниковъ. При начертаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ приня-

(*) Такъ увѣрили меня въ 1869 году, именно во Франціи, люди, которые по своему положенію и званію хорошо знаютъ этотъ предметъ.